

Если посчитать, Ли Яньи уже неописуемо долгое время не удавалось поспать по-настоящему глубоко и спокойно.

На её теле скопилась целая куча самых разных ранений и ушибов, на которые у неё попросту не было времени обратить внимание. Прежде все её мысли до единой были поглощены лишь тем, как выжать из этой разорённой и нищей страны последние крупницы золота и зерна ради снабжения фронта и сдерживания несметной орды Чунцзинь. И при этом ни на секунду нельзя было ослаблять бдительность, чтобы в пылу смертельной схватки не получить коварный удар мечом в спину от заговорщиков. Теперь же, когда большое сражение наконец утихло, разум её оказался зажат новыми тисками. Как реанимировать хозяйство, упорядочить дела в министерствах, сплотить верное ядро фракции и подчистую выжечь остатки вражеских недобитков... Колоссальное множество этих тяжелейших государственных обязанностей монолитным бременем давило на Ли Яньи. И пусть подле неё трудились глава ведомства Вэй Лунь и министр Чжансунь Яо, новоиспечённая императрица в момент воцарения не смела слепо доверяться чужим рукам: абсолютно каждое решение и свиток обязаны были пройти через её личную цензуру и получить её одобрение.

Она уже и сама не помнила, в какой именно день прошлого ей удавалось поспать до естественного, мирного пробуждения. Она без оглядки, не зная отдыха, неслась вперёд. Ей вовсе не казалось, будто её рассудок не способен вынести эту изнурительную рутину. Физическое и ментальное истощение были бессильны сломить её железную волю. И единственным существом во вселенной, чьи поступки заставляли её сердце исходить жгучей тревогой и парализовали её стратегический разум, оставалась А-Синь.

Когда Ли Яньи открыла глаза, взору её предстали тонкие шёлковые занавеси, ласково спускавшиеся по четырём сторонам императорского ложа. В покоях отчётливо пахло благоуханием живых, только что срезанных цветов.

Она плавно протянула руку к краю постели, и стоило её пальцам едва ощутимо коснуться сидевшей рядом А-Синь, как измождённая воительница мгновенно очнулась ото сна.

– Тебе лучше? – едва слышно, с мягкостью в голосе спросила А-Синь.

Ли Яньи молчала, лишь кончиками пальцев ласково перебирая растрепанные пряди её волос.

– ...Раз с твоим телом всё в порядке, Я покину эти покои, – с этими словами А-Синь попыталась подняться на ноги, но адская мука в покалеченной пояснице и иссеченной ранами спине грянула одновременно. Лицо её в один миг покрылось каплями холодного пота, корпус покачнулся, и она с превеликим трудом удержала баланс, готовясь сделать шаг, как вдруг Ли Яньи мёртвой хваткой уцепилась за её руку, не пуская.

– Куда ты собралась? – Ли Яньи капризно надула губы, принимаясь выказывать самую жалкую, уязвимую мину. – Твоя повелительница только-только очнулась после глубокого обморока, а ты упрямо гредишь о побеге! Неужто в твоём сердце нет страха, что моя болезнь вспыхнет с новой силой? Как я оступлюсь, расшибу себе лоб или иссохну от тоски по тебе до такой степени, что

кусок в горло не полезет, что мы тогда будем делать, а?

А-Синь изначально намеревалась леденяще отрезать: «В моём существе больше не теплится ни малейшего желания продолжать свой земной удел, с какой стати я стану изводить себя мыслями о том, досыта ли Её Величество изволит откусывать?» Однако эти жестокие слова, едва прокрутившись в её мыслях, так и не сорвались с языка. Ранить принцессу ей было невыносимо. К тому же Ли Яньи сейчас открыто валяла дурака и паясничала, и вступать с ней в логические конфуцианские дискуссии в такие минуты было делом абсолютно бессмысленным. Опустив ресницы, А-Синь безмолвно присела обратно на край кровати.

– Ли Яньи, нам пора наконец-то отбросить маски и поговорить со всей искренностью, – крайне серьёзно произнесла девица Се. – Без этих твоих шуточек.

Вместо ответа Ли Яньи резким манёвром перемахнула через край постели и, будучи абсолютно голой, всем телом взобралась на колени А-Синь, крепко заключая её в объятия и принимаясь страстно целовать её губы.

А-Синь:

– ...Ты даже не думала вести честный разговор.

– Верно, – Ли Яньи губами поймала мочку её уха и нежно втянула её в себя. – И в мыслях не было.

Превозмогая смущение, А-Синь попыталась было силой оттолкнуть её от своего тела, однако бушевавшая накануне ночная бойня полностью опустошила её физические резервы. Держать блок против напористой принцессы было для неё задачей непосильной, а уж координировать баланс их переплетённых тел и подавно. Под ласковый, торжествующий смех Ли Яньи обе девушки плавно повалились прямо на расстеленный у кровати пушистый ковёр. Принцесса ювелирно контролировала распределение собственного веса и бережно придерживала А-Синь за талию, чтобы её эротический напор ни на йоту не усугубил травму позвоночника её возлюбленной, а А-Синь руками мёртвой хваткой вцепилась в её плечи, удерживая равновесие.

– Какое же у нас с тобой, как и прежде, безупречное согласие во всех движениях, – Ли Яньи принялась покрывать поцелуями шею А-Синь, заставляя ту в трепете сжиматься.

– Перестань... Прошу тебя, уймись, – умоляюще выдохнула А-Синь. – Ты ведь и сама прекрасно знаешь, что согласишься я на ту роль, что ты мне даёшь, на мою голову обрушатся проклятия тысяч поколений, и имя моё будет навечно осквернено вековым позором в анналах истории.

– Ты официальная, законная императрица. Какая живая душа в Поднебесной посмеет выплюнуть в твой адрес хоть каплю критики?

- Ты не можешь не понимать, что это утопия. Тебе под силу закрыть рты министрам на один короткий миг, но сможешь ли ты сковать безмолвием людские умы до самого скончания веков?

Ли Яньи плотно прильнула грудью к груди А-Синь и ласково улыбнулась:

- Ты всю свою жизнь излишне сильно пеклась о том, как на тебя посмотрят посторонние. Кем ты являешься и какие деяния вершишь внутри своего дома... какое отношение всё это имеет к серой толпе? Наша эпоха уже очень давно перестала быть благословенным веком древних святых, чьи помыслы и поступки отличались канонической безупречностью, абсолютной праведностью и чистой истиной. Те сановники, что ныне величаются великими конфуцианскими интеллектуалами, на поверку в быту оказываются неспособны претворить в жизнь священный постулат: «Пусть разум твой стремится к общему благу, поступки будут безупречно благородными, а мудрость объемлет все законы бытия». Подлинных святых мужей и праведников в Поднебесной больше не существует в природе. И уж тем более Я ни за что не поверю, будто на этом свете есть хоть один человек, который за весь свой век не совершил ни единого дурного поступка. Кто-то оступается по чистой случайности, кого-то на грех силой толкают жестокие обстоятельства, вся человеческая жизнь соткана из непрерывной череды ошибок, и именно через эти падения и промахи выковались нынешние мы с тобой. Да что говорить, если даже ты сама прирождённый гениальный генерал Поднебесной, обрела свой нынешний сокрушительный опыт и статус непобедимого триумфатора лишь после того, как пережила горнило бесчисленных поражений на передовой! И если сделать шаг назад, ну даже соверши мы это умышленно, и что с того? Мы обе прекрасно знаем базовый закон истории: одним фигурам суждено стать великими протагонистами на главных страницах летописей, в то время как другие обречены сгинуть в неизвестности, и хроники не сохраняют даже букв их имён.

- Пусть священные ритуалы и музыка разрушены, а Поднебесную заполонили полчища жестоких злодеев, у меня по-прежнему остаются мои собственные незыблемые жизненные устои. И я ни за что не стану уподобляться этим тиранам лишь потому, что они привыкли выгрызть победу звериной жестокостью. Иначе с какой стати я вообще буду иметь право упрекать и судить их? Все прочитанные мною канонические книги святых мужей превратятся в пустую макулатуру, - твёрдо ответила А-Синь. - Я никогда не грезил о том, чтобы покрыть своё имя бессмертной славой в веках. Единственным, сокровенным желанием моего существования до самого последнего вздоха оставалось лишь, чтобы своими глазами узреть триумфальный полёт фениксов и вечный, благодатный покой на просторах моей родины. Ли Яньи, Поднебесную населяют миллионы и миллионы живых душ, ты вознамерилась идти наперекор законам природы и свято веришь, будто сможешь силой заткнуть рты всей вселенной, но поверь, это задача из невыполнимых.

Ли Яньи лишь леденяще и зловеще усмехнулась в ответ на её доводы:

- Заткнуть рты этой бесконечной праздной толпе действительно не под силу, да и интереса тратить на это своё время у меня нет ни малейшего. Вот только всегда остаётся иной выбор. Мы можем попросту предать их всех тотальной смертной казни.

Стоило этим леденящим словам сорваться с её губ, как Ли Яньи отчётливо зафиксировала, как судорожно сжалось и покатилося вниз горло ошарашенной А-Синь.

- Ты боишься меня такой? Или всё же любишь? Ты ведь и сама прекрасно понимаешь, что узы нашей судьбы в этой жизни невозможно разорвать. Будь это в наших силах, мы бы давно уже расстались. Всё точь-в-точь как с твоими вечными криками о желании меня прикончить: стоит делу дойти до края, и ты, не щадя собственной жизни, бросаешься меня спасать. А-Синь, я никогда не желала терзать и мучить тебя, так зачем же ты сама так жестоко терзаешь свою душу? Мы ведь ещё очень давно предвидели сегодняшний исход. Ответ мне лишь на один вопрос: если я проиграю и погибну, поделишь ли ты со мной этот путь в загробный мир?

Едва А-Синь открыла рот, собираясь ответить, как Ли Яньи поспешно перебила её:

- Да даже если ты и согласишься, удосужилась ли ты спросить у меня, позволю ли я тебе умереть вместе со мной? И пожелал бы твой собственный отец, чтобы ты сгинула на плахе вместе со всем родом Се? Если и ты расстанешься с жизнью, то кто тогда щитом встанет на защиту рубежей и сбережёт землю нашей империи?

До этого момента, что бы ни изрекала Ли Яньи, А-Синь хранила глухое безмолвие, и в мыслях её зрели совершенно иные соображения. Однако стоило принцессе заговорить об этом, как в глубине зрачков барышни Се вспыхнуло пламя, которое было уже невозможно скрыть.

- Ты ведь и сама прекрасно видишь, насколько скудна наша земля на великих генералов и стратегов. Дикари Ху извечно прозябают там, в бескрайних северных степях, где круглый год царит лютая стужа, а их нищета не знает предела. Они просто физически не могут не зариться на наши бескрайние, богатые Центральные равнины. Их нынешнее бегство после Мэнляна лишь временное затишье, они неизбежно и очень скоро вернутся с новой волной нашествия. Если ты сегодня добровольно пойдешь на плаху ради того, чтобы стать ритуальной жертвой за грехи семьи Се, ты лишь исполнишь самую заветную мечту вождей варваров. А-Синь, неужто именно такой финал ты страстно желаешь узреть? Ты без конца клеймишь меня коварным изменником, мятежником и тираном, но ведь я тоже ношу священное имя Ли, и именно в моих жилах течёт самая чистая, законная кровь правящего императорского дома! С какой стати я не имею права занимать драконий трон? Только лишь потому, что я рождена женщиной? В пору правления Ли Цзюя повсюду бесчинствовали подлецы, а ничтожные и жестокие палачи купались в милостях двора. Да, он был мужчиной, он был законным наследным принцем, которому покойный император самолично передал власть, ну и что с того? Он не был кровавым деспотом, но за одиннадцать лет своего никчёмного правления так и не сподобился взрастить ни одного способного полководца, готового на равных биться с варварами. Наша государственная казна ныне пуста точь-в-точь как его собственная голова, и неужто именно о такой империи мы с тобой грезили? Священная земля, которую наши праотцы отвоёвывали в кровавых боях и которую веками защищали ценой миллионов жизней, должна быть бездарно пущена по ветру из-за немоги подобных правителей? Твоё сердце способно покорно смириться с этим? Моё - нет.

Ли Яньи плавно поднялась с её колен. Голова её ещё слегка кружилась от недосыпа, а в желудке от голода сосало, однако всю её грудную клетку изнутри распирало тяжёлое, удушающее чувство брезгливости и омерзения к старому миру.

- По большому счёту, в былые годы покойный император пошёл на поводу у своих страхов из-за того самого трагического судебного дела Жуань, оттого и издал свой суровый манифест,

наложивший строгое табу на право женщин занимать чины. И это вековое, застывшее предубеждение Поднебесной позволило целым полчищам бездарных и ленивых мужчин веками занимать высшие посты, не прилагая никаких усилий. Однако с сегодняшнего дня вся эта несправедливость будет полностью переписана моей собственной рукой. И отныне будь то мужчина или женщина, выходец из знатного дома или сирота из нищего низовья, существовать будет лишь одна единственная величина, способная предопределить судьбу человека на службе государства. И эта величина - его подлинный талант. Мы навсегда уничтожим эти непреодолимые барьеры, и в Поднебесной больше не останется места для кумовства, только меритократия и канонический выбор достойнейших способны привести империю к веку истинного процветания. По крайней мере, абсолютно каждая девушка, которая появится на свет в годы нашей новой эры Чжаоу, отныне получит право обладать собственным официальным именем и фамилией в реестрах, и родителей лишат права ограничивать их судьбу лишь мелким домашним прозвищем. Как жаль, милая, что ты сама не успела родиться под сенью эры Чжаоу. Твоё нынешнее имя А-Синь, безусловно, прекрасно и нежно, но ведь это всего лишь твоё ласковое детское прозвище. Тебе предстоит обрести совершенно иное, великое имя, которое будет безупречно соответствовать твоему новому статусу.

А-Синь горько, едва заметно улыбнулась в ответ на её пафосную тираду:

- Управление великим государством Поднебесной дело далеко не такое простое, каким оно кажется в твоих чертогах ума. Да что говорить о реформах в министерствах, даже навести элементарный порядок в основных полках и реорганизовать три армии сейчас невероятно тяжело из-за нехватки людей. Если ты начнёшь действовать излишне агрессивно и форсировать события, это лишь породит мощный раскол и приведёт к обратному эффекту.

- И сколько ещё, по-твоему, я обязана покорно ждать? Эта прогнившая, застывшая империя пребывала в парализующем застое слишком много лет, и что-то я не заметила, чтобы дела в ней сами собой пошли на лад. Нашу родину безжалостно топчут железные копыта варваров Ху, а изнутри её тело пожирают свирепые полчища бунтовщиков. И в такой критический час ты упрекаешь меня в спешке? - Ли Яньи к этому моменту уже успела самостоятельно облачиться в походные одежды и затянула на своей талии тугой золотой пояс с пряжкой в виде парящего дракона.

- В глубине души я искренне желала бы, чтобы ты навсегда осталась подле меня в Запретном городе в качестве законной императрицы. Чтобы мы, укрывшись от бурь мира, вместе созерцали весеннее цветение садов и любовались сиянием летней луны. Однако я слишком хорошо знаю твою натуру. Твоё истинное призвание - бескрайние поля сражений, и превращаться в безвольную птицу, запертую в золотой клетке гарема, ты ни за что не согласишься. А раз так, то пообещай мне лишь, что ты оставишь эти свои дурные мысли о самоубийстве, и тогда, какое бы поприще ты ни избрала для себя в будущем, я приму любой твой выбор без единого возражения, - Ли Яньи, полностью одевшись, медленно повернулась к ней и крепко сжала руками её хрупкие плечи. - А-Синь... умоляю, не позволяй своему запредельному, редкому таланту полководца сгнить в сырой земле вместе с костями заговорщиков. Твой великий путь генерала на самом деле только-только начинается.

Ли Яньи с самого начала безупречно, до мельчайших крупин знал, в чём именно кроется главная уязвимость барышни Се, и прекрасно понимала, о чём сильнее всего на свете грезит её воюющее существо.

Если сама Ли Яньи всей душой жаждала вознестись на вершину мира, чтобы встать над десятками тысяч людей и собственной волей сломать старый государственный аппарат Поднебесной, то наивысшим, сокровенным идеалом всей жизни А-Синь оставалось лишь священное спасение родины и защита рубежей от внешнего врага. Она до безумия любила эту истерзанную землю, любила своих преданных боевых товарищей и близких, и для её генеральской гордости не было ничего страшнее, нежели позволить диким варварам безнаказанно осквернять границы империи.

Уйди она сейчас на тот свет вслед за отцом, и единственным человеком, способным удержать оборону на северных рубежах против объединённой орды, останется лишь второй молодой господин Вэй. А он, как ни крути, был плотью и кровью ненавистной ей семьи Вэй.

А-Синь в полном бессилии закрыла лицо ладонями, и из её груди вырвался тяжёлый, обречённый вздох:

- Ну почему... почему мне суждено было появиться на свет именно внутри проклятой семьи Се? И раз уж судьба безжалостно заставила меня родиться в этой семье, то ради какого блага она свела меня на дорогах жизни именно с тобой?..

Ли Яньи плавно наклонилась к ней и принялась губами ласково целовать горячие слёзы, катившиеся по её бледным щекам:

- В юности я точно так же, плача по ночам, без конца допытывалась у Небес, отчего мне не суждено было родиться мужчиной? Однако сегодня в моей душе больше нет места для этих глупых сомнений. На всём этом подлунном свете не существует абсолютного, незыблемого понятия «невозможно», конечный исход любой партии зависит исключительно от того, какими методами ты претворяешь в жизнь свои тактические ходы. А-Синь, твой воинский долг и священная присяга обязывают тебя хранить верность Великой Юй и её законному Сыну Неба. И раз уж государственное древо ещё не сменило своего родового имени, а полновластным Сыном Неба отныне являюсь Я - твой долг велит тебе присягнуть на верность мне.

Вся утончённая нежность и кротость Ли Яньи испарялись ровно через три фразы, и за маской любящей женщины неизменно проступал леденящий, волчий оскал абсолютного правителя, заикленного на удержании власти.

И А-Синь в момент этого предсмертного разговора невольно спросила саму себя: за какие именно качества она на самом деле столь безумно и мучительно любит Ли Яньи? Была ли она очарована лишь её безупречной, благородной женской красотой или же её существо с самого детства неодолимо тянулось к этой пугающей, сокрушительной и величественной ауре истинного владыки Поднебесной, которую было невозможно игнорировать?

И, пожалуй, верным ответом был именно последний.

Дабы выказать почтение предкам, Ли Яньи сразу после своего воцарения объявила о смене девиза правления на Чжаоу. Однако одиннадцатый год эры Шэньчу так и остался под старым

летосчислением, и лишь со следующего новолуния империя должна была официально вступить в новую хронологическую эпоху.

Впрочем, все эти речи о «почтении» были не более чем благовидным, высокопарным предлогом для очистки совести толпы. Точно так же Ли Яньи вела себя, когда вдовствующая императрица Лю-хоу принесла ей свиток об отречении. Принцесса долгое время делала вид, что наотрез отказывается от короны, и лишь после того, как все министерства Поднебесной и сама Лю-хоу трижды слёзно умоляли её принять власть, она с притворной неохотой «уступила» их воле.

\*\*\*

Золотая осень в Жунине по праву считалась самым благословенным и прекрасным временем года. Все листья на бескрайних городских деревьях гинкго окрашивались в сочный лимонный цвет, и если смотреть на столицу с господствующих высот крепостных валов, казалось, будто перед взором расставлены тысячи чаш, до самых краёв наполненных чистым золотом.

– Было бы это и впрямь настоящее золото, вашему покорному слуге не пришлось бы беспокоиться о деньгах и сидеть на глазах, – вздохнул патриарх Вэй Лунь, созерцая с вершины оборонительной стены панораму Жунина. Вэй Тинсюй безмолвно следовала за ним по пятам, слушая его тихие, нескончаемые жалобы на то, что государственная казна империи абсолютно пуста и двору нечем выплатить даже законные наградные серебряные монеты воинам, сокрушившим орду Чунцзиня. Новая императрица в финансовых делах проявила пугающую прижимистость, и вместо реального золота она просто отделилась раздачей земельных наделов в провинциях. Вот только эти земли, хотя и перешли в собственность триумфаторов, налог с них министры обязаны были выплачивать государству до последнего таэля, а все скрытые в недрах этих уделов горные рудники и потайные прииски безоговорочно оставались в ведении центральной власти. Мало того, пахать и засеивать эти уголья пришлось бы силами собственных слуг, а единственной милостью со стороны Ли Яньи стало лишь временное освобождение этих земель от подушной подати и трехлётний мораторий на воинский призыв крестьян.

Вэй Тинсюй своими глазами видела, как Ли Яньи на тайных советах едва не рвала на себе волосы от парализующего дефицита средств, экстренно созывая высших министров ради поиска путей спасения экономики. Первейшим табу для двора было то, что сразу после коронации категорически запрещалось увеличивать поземельный налог с крестьян. Деревня только-только пережила сокрушительный голод и великую засуху, и те крохи зерна, что уцелели в закромах у бедняков, были для них священной ценностью и отбирать их силой означало спровоцировать новый бунт. Верховный цензор Чжансунь Яо изначально настаивал на масштабном снижении пошлин ради завоевания любви народных масс, но Ли Яньи первая в ярости вскочила со своего места, резко прервав его:

– И не думайте! Мы согласны сохранить старую ханьскую норму сбора: одну тридцатую часть от урожая. Но снижать её ещё сильнее или вовсе вводить налоговые отпуска мы не станем, даже не мечтайте об этом! Да, наш нынешний столичный аппарат не раздут, и даже при нищих пошлинах мы вполне способны прокормить всех присутствующих здесь мужей. Однако вы обязаны трезво осознавать, насколько опасный и тернистый путь лежит перед нашей новой династией. Тот разорённый и прогнивший мир, что оставил после себя Ли Цзюй, не просто

отсутствие серебра и нехватка живой силы в полках. И если мы желаем твёрдо шагать вперёд, тотальное наполнение государственной казны должно стать незыблемым фундаментом для любого нашего тактического хода.

Подумать только, та самая Ли Яньи, которая в юности на закрытых вечерах могла одним росчерком пера спустить на предметы искусства десятки тысяч золотых слитков, докатилась до такой финансовой экономии! Вэй Тинсуй вспомнила, как буквально вчера императрица устроила во дворце форменный «грабёж и вымогательство» среди сановников, призвав на помощь авторитет своей матери Гэн, она созвала на поэтический вечер абсолютно всех столичных чиновников выше пятого ранга вместе с их жёнами. Суть уловки была проста: гости обязаны были поочередно слагать стихи на заданные темы, а тот, кто не справлялся с рифмой, подвергался немедленному штрафу в десять таэлей чистого серебра. Если же у бедняги не оказывалось с собой звонкой монеты, в счёт долга без церемоний изымались его драгоценные нефритовые подвески, заколки и перстни. Ли Яньи вела себя словно азартный хозяин подпольного игорного дома, безжалостно катая кости и обчищая карманы собственных министров. Вернувшись в тайные покои с целой горой конфискованных драгоценностей и золота, она радовалась как дитя, немедленно велев переплавить трофеи в слитки для казны и уже вовсю размышляя, под каким бы ещё благовидным предлогом созвать знатных людей в следующий раз. Сама императрица в те минуты буквально сияла от счастья и шагала по залам гордой кавалерийской походкой, а Вэй Тинсуй, созерцая этот фарс, долго пыталась сдержать смех, но в итоге всё же звонко расхохоталась. Вспоминая эту сцену сегодня, она по-прежнему не могла скрыть мягкой улыбки.

Ли Яньи тогда лишь гневно зыркнула на неё:

– Цзычжо, сегодня ты изволишь потешаться надо мной, но погоди у меня. Весной, когда завершатся государственные экзамены и я официально введу твою фигуру в состав высших министерств центрального аппарата, ты ещё сполна нахлебаешься этой финансовой кручины вместо меня!

\*\*\*

Левая нога Вэй Луня после прошлых столичных казней осталась полностью парализованной, однако старый маршал наотрез отказался пересаживаться в четырёхколёсное инвалидное кресло. Его супруга собственноручно вытесала для него длинную походную трость из прочной древесины, и отныне этот костыль неотлучно служил ему второй ногой. Куда бы ни направлялся старик, он упорно держал спину безупречно прямой, сохраняя былую генеральскую статью и благородную мужскую красоту.

Вэй Тинсуй шла чуть позади него, заведя руки за спину. На самом деле она пальцами тайно и с силой массируя мышцы собственной поясницы, чтобы заставить свои непослушные ноги удерживать тело в вертикальном положении как можно дольше. Эта пара - отец и дочь, у каждого из которых конечности были покалечены врагами, продвигалась вперёд неопишимо медленно, за половину часа они не успели дошагать даже до Восточных ворот.

После трагической гибели Господина Сюя, Вэй Тинсуй полностью вверила заботу о своём

исцелении Чжун Цзи, сделав её своим единственным личным лекарем. Чжун Цзи приходилось разрываться на два фронта. Она непрерывно выхаживала раненую Сяохуа и одновременно тратила массу сил на реабилитацию суставов самой Вэй Тинсюй, что вовсе не вызывало у неё восторга. В представлении молодой ученицы, её непрекращающаяся ментальная и физическая война против тайных токсинов и яда «Проклятой горлицы» и без того выжимала из неё все соки, а появление в её лазарете второго тяжёлого пациента грозило тем, что она попросту не сумеет чётко довести до ума ни одно из лечений.

Однако приказы Вэй Тинсюй не обсуждались. Девушка своими глазами видела всю леденящую кровь мстительную сущность своей хозяйки на том допросе и прекрасно знала, какая страшная участь ждёт любого, кто дерзнёт выказать ей неповиновение, а потому была вынуждена сцепить зубы и усердно взяться за работу.

Будучи молодой и не скованной рамками старых медицинских канонов, Чжун Цзи в лечении применяла весьма специфические, новаторские и неординарные методы.

Каждое утро она лично доставляла в покои сухие сборы трав, приказывая Чжэнь Вэньцзюнь засыпать их в котёл и варить до тех пор, пока плотные корни не превратятся в густой однородный шлак. Важно было довести снадобье до абсолютного кипения, чтобы весь лечебный потенциал полностью растворился в бурлящей воде. После этого концентрат выливали в купальню, разбавляя водой до той предельной степени, которую ещё способна была терпеть человеческая кожа. Вэй Тинсюй обязана была безвылазно проводить в этой целебной ванне ровно один час. При этом Чжэнь Вэньцзюнь должна была непрерывно дежурить у бортика, регулярно подливая кипятка из кувшинов и не позволяя воде остыть ни на долю градуса, иначе летучие эфирные масла мгновенно теряли бы свою силу.

Едва завершался этот изнурительный сеанс, когда тело советницы ещё дышало густым огненным жаром, надлежало незамедлительно извлечь из потайных сундуков куски растёртой ледяной глины, плотным слоем обложить ими её поясницу и бедра и приняться за жёсткий, глубокий массаж. Эта шоковая терапия основывалась на одновременном воздействии экстремального тепла и леденящей стужи, что позволяло экстренно разогнать кровь по застоявшимся каналам. Чжун Цзи клятвенно заверила, что если им удастся полностью пробить и очистить заблокированные меридианы, то Вэй Тинсюй сможет не просто уверенно стоять на ногах, а в будущем для неё не составит труда даже бегать во всю прыть.

– Вот только эти ледяные комья добываются мастерами из самых глубоких, вековых расселин приграничных ледников. Их температура противоестественно низка, и если прикасаться к субстанции голыми руками, можно в секунду получить тяжелейшее обморожение кожи, – с этими словами Чжун Цзи протянула Чжэнь Вэньцзюнь две массивные шкатулки из прочного тиса, внутри которых лежала серая масса. – Так что тебе придется проявить недюжинное, железное терпение, барышня.

Чжэнь Вэньцзюнь лишь беспечно махнула рукой: подумаешь, какая-то там холодная грязь, делов-то. К тому же за окном стояли последние, удушливые дни уходящего лета, и после изнурительных утренних тренировок с зеркальным копьём на полигоне она всякий раз возвращалась мокрой от пота. Так что повозиться пальцами в ледяной жиже виделось ей отличным способом быстро охладить разгорячённое тело. Сплошное благо и польза.

Кто же мог подумать, что эта ледниковая глина окажется пугающе, невыносимо холодной, за гранью любых её ожиданий.

Стоило Чжэнь Вэньцзюнь запустить пальцы внутрь деревянного короба и выудить оттуда первую порцию субстанции, как её ладони обожгло такой лютой судоргой, что она едва не выронила комок на пол. Ей приходилось со всей силы, безумно и на бешеной скорости перекидывать ледяной шар из руки в руку, не смея сжать пальцы и зафиксировать его в ладонях хотя бы на одну короткую секунду.

Вэй Тинсюй ежедневно на рассвете и перед самым сном безропотно проходила через этот мучительный ритуал ледящего и огненного исцеления. Рассудок её становился всё более ясным, а время, на протяжении которого она была способна уверенно стоять на ногах самостоятельно, неуклонно увеличивалось. Вот только плата за этот триумф целиком и полностью легла на плечи Чжэнь Вэньцзюнь. В этот удушливый летний зной кисти её рук из-за постоянного контакта с ледником опухли и страшно раздулись от сильных обморожений. Едва Вэй Тинсюй принималась расспрашивать её о причинах этого недуга, Чжэнь Вэньцзюнь упрямо замыкала рот и то и дело поспешно прятала руки в широкие рукава халата, не позволяя госпоже заметить раны. В её представлении, пока эти процедуры приносили Вэй Тинсюй искреннюю радость и вели её к полному выздоровлению, любые её собственные увечья оставались лишь ничтожным, не заслуживающим внимания пустяком.

Погружение в объятия целебной ванны, исходившей бурным огненным паром, безусловно, приносило телу советницы неопишемое блаженство. Однако от невыносимого жара пульс её стремительно зашкаливал, а голову кружило. В тот миг, когда подходило время выбираться на бортик, её конечности становились совершенно ватными и бессильными, и ей не оставалось ничего иного, кроме как полностью положиться на Чжэнь Вэньцзюнь, которая бережно подхватывала её немощное тело на руки.

Каждое утро Чжэнь Вэньцзюнь, едва закончив наваривать целебные отвары, покорно застывала у края бассейна, сжимая в ладонях купальный халат. Стоило водяным часам отмерить заветный час, она плавно спускалась в воду, укутывала Вэй Тинсюй в плотную ткань и на руках выносила её.

Во время сеансов глубокого массажа Вэй Тинсюй очень часто безмятежно засыпала. Тогда Чжэнь Вэньцзюнь аккуратно переносила её на постель, заботливо укрывала до самого подбородка плотным одеялом и подолгу сидела на корточках у изголовья, пристально и до мельчайших крупниц препарировав взглядом её лицо.

Ну как во всей вселенной мог появиться человек, наделённый столь ослепительной, невероятной красотой? Абсолютно каждая чёрточка на её бледном лице казалась ювелирно выверенной и безупречной. Словно великий, умудрённый мастер веками высекал этот образ из редчайшего нефрита, и над каждым штрихом велись долгие, глубокие мысли. Это зрелище приносило её существу такое эстетическое упоение, что Чжэнь Вэньцзюнь казалось: если ей суждено созерцать этот лик ещё хоть целую сотню лет, он ни на долю секунды не приестся её взору, и каждое новое мгновение будет открывать её глазам новые, потаённые грани этого совершенства.

Видя, как под её собственными ладонями ноги Вэй Тинсуй день за днём наливаются былой силой, Чжэнь Вэньцзюнь трудилась с ещё большим, неистовым рвением.

Она обязана была отныне окружить госпожу двойной заботой и нежностью. За себя и за ушедшую в иной мир подругу, ведь то священное предсмертное завещание, что Линби выдохнула перед смертью в грязи, она не дерзнула бы предать забвению даже под страхом казни.

Между тем императрица Ли Яньи с головой ушла в бесконечные государственные дела. Утренние аудиенции в тронном зале, едва начавшись на рассвете, затягивались до глухой полночи, из-за чего министрам и сановникам, часами томившимся в ожидании её решения под сводами павильона Хоуцзюнь, приходилось брать с собой на службу собственные миски и бамбуковые палочки для еды, и подобный казус развернулся во всей многовековой истории династии Великой Юй впервые.

Ли Яньи отдавала престолу все свои силы без остатка, она правила допоздна, принимала пищу лишь после захода солнца и бодрствовала ночами напролёт. Напрасно великий маршал Вэй Лунь и цензор Чжансунь Яо слёзно умоляли её поберечь себя и умерить пыл, ведь принцесса, ставшая владыкой, страшно опасалась проявить халатность. Боясь, что императрица окончательно подорвёт и без того изнурённый нагрузками организм, министры в конечном счёте пошли на крайний шаг и призвали во дворец её мать - Вдовствующую Императрицу Гэн.

- Матушке нет нужды изводить себя напрасными речами, - резко отрезала Ли Яньи, едва Гэнтайхо переступила порог её кабинета. - Мне издавна не занимать неистовой, бьющей через край энергии, и вам это прекрасно известно. В былые годы, когда Я носила лишь скромный титул Старшей Принцессы, моя рутина была устроена точно так же, и матушка тогда ни разу не упрекнула Нас, неустанно вдохновляя на великие свершения. С какой же стати теперь, когда мне наконец удалось взойти на престол Поднебесной, вы вздумали изнеживать и баловать меня, точно глупую девицу?

Когда утренний совет был наконец завершён, за окнами уже давно воцарилась непроглядная ночная темень. Ли Яньи совершенно растеряла аппетит и не выказывала ни малейшего желания притрагиваться к ужину, однако Вдовствующая Императрица Гэн мёртвой хваткой вцепилась в её рукав, непреклонно требуя, чтобы дочь отведала хоть малую порцию яств. Принцесса взяла в пальцы бамбуковые палочки, но один лишь вид жирных блюд вызывал в её животе сильный приступ тошноты и брезгливости. Назойливый, непрекращающийся лепет матери заставлял её голову раскалываться от дикой боли, и, чтобы унять этот шквал упреков, она была вынуждена сделать несколько глотков горячего бульона. Вдовствующая Императрица принялась зачитывать ей исторические хроники о великих правителях прошлых эпох, которые из-за чрезмерного рвения на службе государства сгорали на глазах и замертво падали прямо на свитки. Она упрямо твердила, что беспокоиться всем сердцем о благе Поднебесной - это праведный удел, однако правителю надлежит выбирать верные тактические методы. Стоит подорвать здоровье, и все великие реформы обратятся в прах, что принесёт наивысшую, долгожданную радость лишь скрытым столичным врагам и недобиткам.

Ли Яньи прекрасно понимала, что за этими упреками матери скрывается чистая, безграничная родительская любовь, однако усталости она в действительности не ощущала. Она находилась в

самом расцвете сил и зрелости, и если не ковать сталь империи прямо сейчас, то когда ещё представится столь благословенный век?

На каждое оброненное слово Вдовствующей Императрицей у принцессы наготове были три хлестких контраргумента. Взирая на свою Хуайчэнь, Вдовствующая Императрица испытывала невероятную гордость и обожание, и в глубине души у неё просто язык не поворачивался всерьёз обрушить на неё монарший гнев.

– Моё дитя окончательно выросло... Ты и впрямь умудрилась совершить величайшее, невиданное от создания мира чудо, – глаза Гэн внезапно подёрнулись прозрачной вуалью слёз, и она поспешно принялась промакивать веки шёлковым платком. – Сердце матери преисполнено великой благодарности к нашему новому правителю. Стоит Её Величеству в тайный час подарить империи законного принца-наследника, и ваша покорная слуга сможет со спокойной душой отойти в мир иной и сомкнуть глаза там, у Девяти источников преисподней.

Слушая первую половину её речи, Ли Яньи почувствовала, как её собственное суровое сердце защемило от нежности и сострадания к материнским слезам. Кто же мог знать, что этот пафосный монолог завершится столь курьёзным и пугающим тактическим увертюром! Вся былая скорбь в душе принцессы мгновенно испарилась, и она с абсолютным, леденящим равнодушием принялась созерцать, как Вдовствующая Императрица Гэн в одиночестве утирает слёзы. Заметив, что дочь полностью проигнорировала её священный намёк, Вдовствующая Императрица посреди своего плача украдкой мазнула по ней бдительным взглядом. Ли Яньи же с самым свирепым, хищным выражением лица принялась палочками отправлять в рот куски нежного бараньего мяса, и в мыслях её уже вовсю кипел лихорадочный внутренний расчёт.

Вдовствующая императрица Гэн небрежно отложила мокрый платок в сторону, мгновенно прекратила лить слёзы и ровным, деловым тоном продолжила:

– Ровно тридцать лет назад, когда я разрешилась от бремени и подарила тебе жизнь, на дворе стоял суровый месяц лаоюй<sup>1</sup>. То была самая лютая, парализующая зима за всю мою долгую память. В детстве ты была неописуемо слабой и болезненной, лекари несколько раз опускали руки, заявляя, что дитя не дотянет до утра, однако вопреки всем законам природы ты выросла крепким, цветущим и благородным воином. И вот ныне ты сама вступила в тот благословенный возраст, когда женщине устав велит примерить на себя сакральный статус матери. Хуайчэнь, тебе исполнилось уже тридцать два года. И если ты прямо сейчас не озаботишься вопросом престолонаследия, боюсь, пройдёт ещё пара лет, и тебя постигнет горькое, невосполнимое отчаяние, исправить которое будет не в человеческих силах.

<sup>1</sup>Месяц Лаоюй / Двенадцатый лунный месяц (腊月): традиционное сакральное название последнего, двенадцатого месяца в китайском лунно-солнечном календаре, который обычно выпадал на самый суровый период зимы (январь-февраль по григорианскому календарю).

Ли Яньи хранила гробовое безмолвие, продолжая молча уплетать ужин. И по мере того, как челюсти её мерно двигались, к ней, как ни странно, в самом деле вернулся былой кавалерийский аппетит.

- Твоя мать уже во всех деталях продумала эту партию ради твоего блага, - не унималась она. - Раз правители-мужчины испокон веков имели законное право содержать подле своего ложа три тысячи прекрасных наложниц, то и ты, как полноправный Сын Неба, имеешь священное право на точно такой же гарем. Начиная с завтрашнего утра Моим Вдовствующим рескриптом по всей империи будет официально объявлен великий отбор прекрасных юношей-наложников. Все самые миловидные, статные, благородные и исполненные здоровья юноши Поднебесной один за другим будут доставлены прямо к твоему изголовью, чтобы наша Хуайчэнь могла лично сделать свой выбор. Хуайчэнь... Великое государство не способно существовать без правителя ни единого дня, но и сам правитель ни под каким видом не может править без законной императрицы. Тебе надлежит в кратчайшие сроки отобрать среди лучших домов империи красивого, одарённого талантами мужчину-супруга, чтобы он официально занял пост твоего Хуанхоу. Вы обязаны как можно скорее подарить династии Ли крепких принцев крови, чтобы пустить новые ветви нашего родового древа и гарантировать священную незыблемость и процветание нашей вечной имперской цитадели на века!

- Стало быть, матушка уже всё давным-давно рассчитала ради моего блага, - обронила Ли Яньи, ни на мгновение не прерывая мерного движения своих бамбуковых палочек для еды. - И на отпрыска какого же именно благородного дома упал ваш священный взор?

Заметив в её словах едва уловимый намёк на уступку и покорность, Вдовствующая Императрица Гэн воодушевилась и тотчас же заговорила:

- Мой выбор пал на второго молодого господина семьи Вэй - Вэй Цзиньяня. Этот юноша статен, безупречен лицом, да к тому же прославил себя как гениальный генерал, способный в долю секунды обратить в бегство несметные орды варваров. Поистине идеальный, безупречный кандидат. Мало того, он ещё и является прямым, законным наследником знатного дома Вэй. Стоит тебе взять его в мужья, и мы в один миг сможем подчинить себе и вобрать в потайные закрома престола всю эту стремительно набирающую мощь и величие фракцию Вэй. Мы намертво свяжем им руки и ноги, навсегда выкорчевав из их разума любые помыслы о возможном государственном перевороте. С другой стороны, несколько молодых господ из могущественного клана Чжансунь тоже на редкость хороши собой. Я лично заметила их, они сметливы, хватки и неописуемо красивы лицом. Их можно без лишних церемоний зачислить в состав твоего гарема, пожаловав титулы высокопоставленных наложников...

Выслушав эту тираду, Ли Яньи лишь закинула голову назад и разразилась громким, безудержным хохотом.

Вдовствующая Императрица Гэн, которая со всей серьёзностью пыталась вести с дочерью споры о престолонаследии, видя этот её залиvistый смех, вмиг уяснила, что её попросту водят за нос и паясничают перед ней. Оборвав свои речи, она выпрямила спину и леденящим тоном отчеканила:

- Неужто Ваше Величество спит и видит, как бы поглупее вернуть и отдать посторонним людям ту великую империю, которую мы с таким адским трудом вырвали из рук врагов? Хуайчэнь, неужто ты и впрямь превратилась в столь безрассудную и слепую особу?

Ли Яньи покачала головой:

– Матушка, я целиком и полностью уверяю это священное дело вашим заботам. На кого бы ни упал ваш благосклонный выбор, ведите этого юношу прямиком в мой гарем. Будь то Вэй Цзиньань или отпрыски дома Чжансунь, тащите сюда абсолютно всех, без разбора. Как только у меня выдастся свободная минутка между государственными делами, я лично устрою им смотр, и мы отберём лучших.

В этих речах Ли Яньи поровну смешались и чистая правда, и откровенный фальшивый вымысел. Окажись на месте Гэн любой другой умудрённый опытом столичный сановник, он бы гарантированно попался на эту удочку и поверил её лукавым заверениям. Вот только никто во всей вселенной не знал натуру дочери глубже и точнее, нежели её собственная мать, и она безупречно знала, какие именно потайные планы зреют сейчас в её голове.

– С этим делом нельзя больше медлить ни единого дня, Хуайчэнь. Людям из семьи Се ни под каким видом нельзя доверяться, – Вдовствующая Императрица без лишних фраз выложила на стол свою самую главную, сокрушительную козырную карту. – Оставим в стороне тот факт, что твоя пассия рождена женщиной, и вам двоим при всём желании физически не дано произвести на свет законного кровного наследника ради продолжения священного рода Ли. Поразмысли о другом: она родная дочь Се Фучэня, его прямая наследница по крови! Неужто твой разум не чувствует страха, когда ты укладываешь подле своего изголовья столь опасную змею? Неужели ты не боишься, что в один заветный час она вновь обнажит скрытый клинок и с бешеной яростью вонзит его тебе в горло? Та глубокая, страшная рана, что она нанесла тебе прошлый раз, до сих пор багровеет шрамом на твоём теле! Как же ты умудрилась столь быстро растерять былую бдительность и память?! – Она говорила со всей страстью родительского сострадания и боли. – Ты отныне больше не являешься той капризной Старшей Принцессой, которой устав позволял вершить любые безумные капризы на потеху двора. Ты – верховный правитель и единственный император великой империи, и на твоих плечах лежит священное бремя заботы о судьбе всей Поднебесной, способна ли ты уяснить эту истину? Я готова уступить тебе, готова закрыть глаза и смотреть сквозь пальцы на то, какими плотскими чарами ты изволишь тешиться за закрытыми дверями с этой Се А-Синь. Однако ты обязана официально утвердить при дворе законного Хуанхоу! И этим Хуанхоу безоговорочно должен стать мужчина! Крепкий, благородный мужчина, способный подарить тебе и нашему престолу легитимного принца-наследника!

– О, я изволила принять это к сведению, – каким бы бурным, яростным и праведным ни был этот монолог матери, Ли Яньи отозвалась на него с абсолютным, леденящим равнодушием. – Все те доводы, о которых матушка столь усердно распространяется здесь, мой разум препарировал ещё задолго до сегодняшнего дня. Что ж, пускай будет этот самый Вэй Цзиньань, я нахожу его кандидатуру весьма недурственной. Вот только не стоит пороть горячку и немедленно возводить юношу в ранг законного супруга-Хуанхоу. Для начала вполне можно обойтись скромным титулом высокопоставленного наложника в ранге Гуйфэй. Пускай матушка лично и со всей строгостью подвергнет его характер долгой проверке, чтобы, упаси боже, в столице не разразился очередной кризис с засилием родственников императрицы по материнской линии. Вы ведь и сами меньше всего на свете желали бы, чтобы хваткий патриарх Вэй Лунь в кратчайшие сроки переродился во второго Фэн Куня, я права?